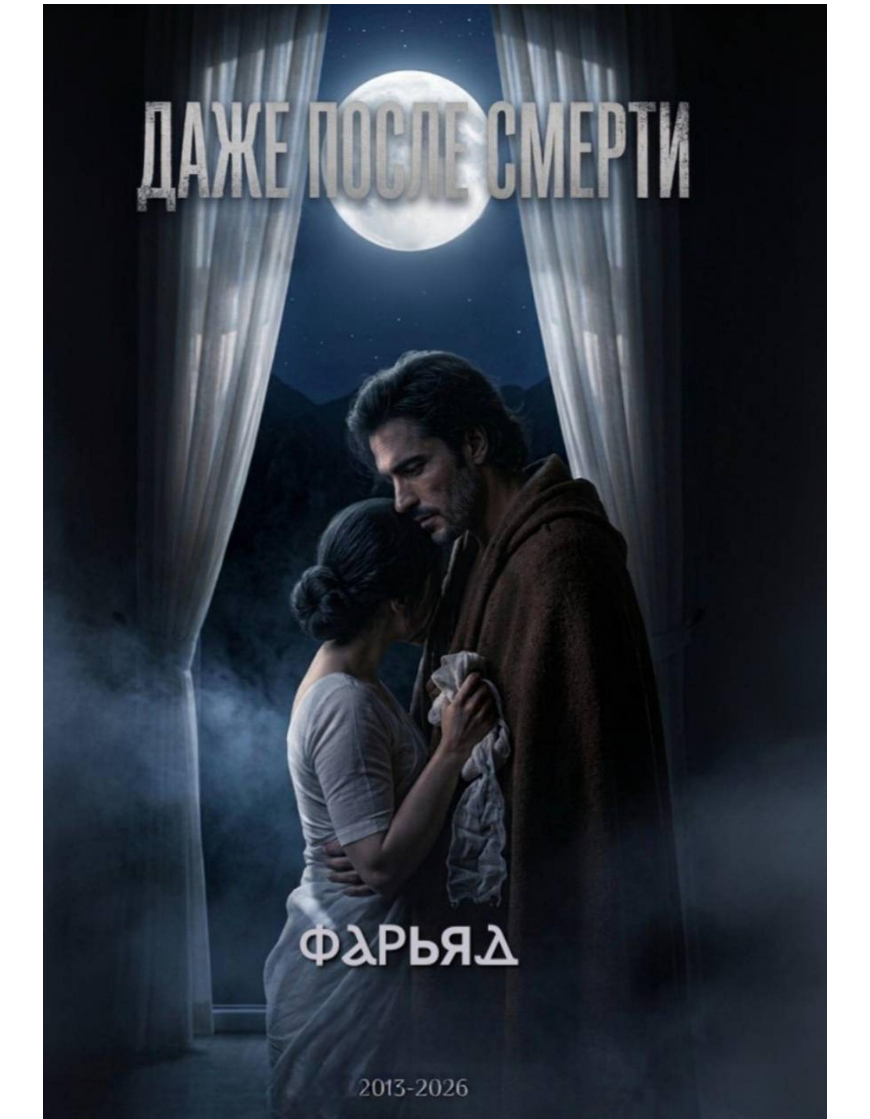

ДАЖЕ ПОСЛЕ СМЕРТИ

ФЭРЯД

2013-2026

Фарьяд Фарьяд

Даже после смерти

<https://litres.ru/74200569>

SelfPub; 2026

Аннотация

Джалалуддин Фахр – великий учёный с мировым именем и разрушенным прошлым. Стоя на краю глухого обрыва в богом забытой сельской местности, он был готов сделать последний шаг. Но жизнь распорядилась иначе. Он увидел её.

Шамиз не просто будет восстанавливать его тело – она исцелит его израненную душу. Через мучительное противостояние двух сильных характеров, сквозь боль и отрицание, ему предстоит найти в ней ту самую недостающую, жизненно важную часть самого себя. Что сплело их судьбы – злой рок или благословение providения? И сможет ли любовь стать сильнее неизбежного конца?

Эксклюзивно на Литрес! Долгожданная премьера! Книга-откровение, которая создавалась и дорабатывалась на протяжении 13 лет (2013–2026).

Это редкий подарок для тех, кто соскучился по настоящим, сильным и трансформирующим чувствам, побеждающим само время. Пронзительная, зрелая и глубокая драма о том, что остается неизменным. Позвольте себе пережить историю любви, которая длится «Даже после смерти».

Содержание

Глава I	4
Глава II	9
Глава III	14
Глава IV	18
Глава V	21
Глава VI	29
Глава VII	34
Глава VIII	39
Глава IX	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Фарьяд

Даже после смерти

*«Ты не можешь предвидеть, когда
произойдёт чудо. Просто всегда
будь открыт для него...»*

Fariyaad

Глава I

Никому неизвестно, где и когда началась эта история. Кажется, даже сама судьба в своей вечной суете стёрла из памяти точные координаты этого места и времени. Это было пространство вне карт, затянутое густой, почти осязаемой пеленой тумана. Джалалуддин Фахр стоял у самого обрыва. Его подтянутая, застывшая в скорби фигура казалась частью скалы. В предрассветном сумраке, когда солнце ещё не решилось прорезать мглу, оливковый туман у края бездны вёл себя как живое существо: он пульсировал, обвивал его ноги, словно пытаясь удержать или, наоборот, подтолкнуть в пустоту. Отросшие волосы хаотично развевались в призрачном свете. Взгляд, привыкший изучать тайны нейронных связей, загадки человеческого сознания и тончайшие синапсы под микроскопом, теперь был устремлён в пустоту.

Джалалуддину было почти пятьдесят лет, но его собствен-

ное тело словно объявило войну его желанию уйти. На безупречной, здоровой коже почти не было морщин, а упрямые, резко очерченные тёмные брови и волевой подбородок выдавали человека исключительной, породистой силы. В его клетках шёл идеальный, аномально точный метаболизм: ни намёка на возраст, ни капли физической слабости – биологические процессы, словно намертво застыли и законсервировались после пережитой им трагедии. Этот идеальный внутренний порядок, этот отказ организма увядать вызывал в нём лишь глухое, яростное раздражение. Его сознание работало как швейцарские часы, обеспечивая безупречное здоровье там, где сама душа требовала разрушения. И лишь глаза – глубокие, пронзительные, но смертельно уставшие – выдавали истинный возраст его боли. Весь его мир – статус прославленного учёного, чьими трудами по нейробиологии зачитывались в университетах, признание коллег, блестящие перспективы – всё это обернулось прахом. Мозг, этот идеальный суперкомпьютер, который Фахр исследовал всю жизнь и научился контролировать до безупречности, сейчас давал сбой. Проклятый сверхразум бунтовал, подсовывая одну и ту же мысль: наука бессильна перед экзистенциальной пустотой. Внутри него зияла дыра, которую не могла заполнить ни одна теория физиологии мозга. Он пришёл сюда за тишиной. За окончательной, звенящей пустотой, которая прекратит его личный ад и отключит заикленные нейроны боли. Он сделал глубокий вдох, чувствуя на губах влажный вкус

тумана, и приготовился сделать последний шаг к краю бездны. Но в тот самый миг, когда мир для него должен был исчезнуть, ветер принёс Звук.

Это не был грохот или резкий окрик. На туманной трассе чуть поодаль хлопнула автомобильная дверь, и сквозь пелену донёсся чистый, проникновенный, почти неземной женский голос:

– Ну всё... Я жду тебя.

В сознании Джалалуддина, балансирующем на грани жизни и смерти, эти слова отозвались страшной, манящей двусмысленностью. Ему показалось, что это сама Смерть или ангел предбытия зовёт его по имени, приглашая сделать шаг в вечность. Сердце пропустило удар. Но в следующее мгновение реальность пробилась сквозь морок: на той стороне дороги послышался живой, тёплый смех, и тот же голос добавил, обращаясь к кому-то: «Береги себя в дороге! Напиши, как доедешь».

Этот контраст – зов, который он принял за потусторонний, и живое, дышащее тепло чужого присутствия – выдернул учёного из ментальной петли. Завороженный, Фахр сделал шаг назад, прочь от края обрыва, и медленно повернулся всем телом. Он пошёл на звук, продираясь сквозь оливковую мглу. Туман дезориентировал, путал шаги, и Джалалуддин сам не заметил, как сошёл с мягкой травы и оказался прямо на середине асфальтированной проезжей части.

И вдруг завеса на мгновение истончилась. Прямо пе-

ред собой у обочины он увидел женский силуэт. Она стояла вполоборота, провожая взглядом отъезжающий автомобиль. Рассветный полумрак и плотная дымка не позволяли рассмотреть детали, но Фахр мельком, очень неразборчиво, увидел её лицо. В этом смазанном, призрачном образе было столько щемящей чистоты, что Джалалуддин замер, полностью поглощённый этой картиной. Его мозг, зацикленный на анализе, на долю секунды отключился от внешних раздражителей. Он ослеп и оглох ко всему остальному миру, пытаясь удержать в памяти этот мимолётный лик. И именно поэтому не заметил смертельной опасности. Он не увидел фар и не услышал, как автомобиль, водитель которого отвлёкся на зеркало заднего вида, чтобы помахать девушке, на полной скорости летел прямо на него. Раздался отчаянный визг тормозов. Девушка на обочине испуганно вскрикнула. Машину резко повело в сторону, и глухой, тяжёлый удар уже разорвал тишину рассвета.

Мир вокруг остановился. Время замерло, превратившись в густую, неподвижную массу, в которой застыли и страх, и неизбежность. Джалалуддин рухнул на холодный асфальт, и его сознание, так отчаянно искавшее покоя секунду назад, начало стремительно угасать, погружаясь в туман настоящей, физической боли. Автомобиль, потеряв управление, с грохотом вылетел с трассы.

В этом мистическом и загадочном утреннем мгновении, под аккомпанемент затихающего эха катастрофы, старая

жизнь Джалалуддина Фахра оборвалась.

Глава II

В маленькой сельской больнице, где обычно лечили вывихи да сезонные простуды, рассвет начался с ада. Визг сирен скорой помощи, резкий грохот каталок и торопливые, панические выкрики медперсонала – всё происходило в каком-то лихорадочном хаосе, где каждая секунда была на счету.

Внутри приёмного покоя царила неразбериха: дежурные сёстры кричали о необходимости срочной подготовки операционной, а санитары едва успевали перекладывать пострадавших. Виджай – старший врач этой лечебницы – лично принимал раненых. В эту ночь привезли двоих.

Один – местный парень Сунил, чья машина на полной скорости вылетела в кювет.

Второй – мужчина без документов, сбитый на пустой трассе. Его лицо, залитое кровью, представляло собой сплошное месиво из глубоких рассечений и стремительно нарастающих отёков.

Обоих пострадавших экстренно обработали и распределили по соседним палатам интенсивной терапии. Не успели врачи наложить последние швы, как в коридоре больницы раздался уверенный, жёсткий шаг. Это был Каран – личный адвокат и управляющий делами великого учёного. На дорожном трекере Фахра сработал сигнал о критическом повреждении прибора, после чего геолокация намертво засты-

ла в одной точке у обрыва. Каран сорвался с места мгновенно. Он знал, что шеф находится в глубочайшем ментальном кризисе, но не ожидал, что тот решит уничтожить трекер и попытается окончательно исчезнуть. Каран ворвался в кабинет Виджая как ураган. Это был невысокий, коренастый мужчина в безупречно скроенном, но сейчас слегка помятом дорогом костюме. Его цепкий, холодный взгляд выдавал человека, который привык считать каждую монету и мёртвой хваткой держался за своё тёплое место при великом академике. Для Карана Фахр был не просто боссом – он был источником колоссального дохода, статуса и личного благополучия. Если этот источник сейчас испустит дух или превратится в овощ, мир Карана рухнет.

Адвокат с порога отсек любые попытки Виджая «сгладить углы»:

– Перевозить его в столичный госпиталь сейчас смертельно опасно, он не выдержит дорогу, – говорил ему врач.

– Но и оставлять Джалалуддина Фахра здесь, в этой глуши, где через два часа будут все таблоиды страны, я не позволю! – жёстко отчеканил Каран, сверкнув глазами. – Разворачивайте домашнюю реанимацию в его особняке, все расходы я покрою лично со счетов фонда. Я забираю шефа под свою ответственность. Мне нужен квалифицированный специалист для контроля его состояния на дому. Тот, кто умеет держать язык за зубами.

Виджай, понимая юридическую силу Карана и не желая

связываться со столичными скандалами, тяжело вздохнул:

– Послушайте, я понимаю Ваше беспокойство, оно вполне оправданно. Нахождение столь известной фигуры в нашей больнице действительно привлечёт слишком много ненужного внимания. У меня есть нужный человек. Моя племянница, Шамиз. Она дипломированный клинический психолог, у неё отличная база по реанимационной реабилитации. Но мне надо её подготовить к этому.

Каран прищурился, быстро взвешивая в уме выгоду: молодая девчонка из провинции явно обойдётся дешевле столичных светил, будет более управляемой и не станет выдавать лишнюю информацию прессе, если та ей где-либо попадётся.

– Идёт, доктор. Оформляйте бумаги.

Виджай подошёл к карте пациента и, взглядываясь в результаты первичного осмотра, покачал головой:

– Удивительно... Ему сорок пять, но физически он развит и здоров так, словно ему нет и тридцати. Кожа, регенерация, сердце – все жизненные процессы в идеальном порядке. Никаких возрастных изменений, почти нет седины. Какое-то аномальное биологическое застывание. Повреждения тяжёлые, но его тело борется с ними с пугающей эффективностью.

– Шеф всегда был «железным человеком» и никогда не болел, что позволяло ему работать на износ. – глухо буркнул Каран, прекрасно зная, как сильно Фахра злило это соб-

ственное безупречное здоровье, словно запершее его в вечно молодой клетке после пережитой драмы. — Ладно, не теряем времени. Пригласите Вашу племянницу.

В это же время в коридоре происходила настоящая трагедия. Шамиз не находила себе места, меряя шагами узкое пространство. В её ушах всё ещё стоял крик Сунилы и глухой, страшный грохот бьющегося металла. Её трясло от шока и вины. Когда санитары наконец отошли от дверей, она, не помня себя от ужаса, ворвалась в палату, зная, что перед ней лежит её жених.

Лицо мужчины было полностью скрыто плотными слоями стерильных бинтов, сквозь которые кое-где проступали пугающие багровые пятна. Были видны только плотно сжатые, побелевшие губы. Она упала около его кушетки, вся содрогаясь от рыданий, схватила его за руку и заговорила словами, вырывавшимися будто на грани полного психического срыва:

— Сунил, я так виновата... — она почти распласталась по полу, прижимаясь к краю матраса.

— Я так тебя расстраивала, я так долго молчала, словно никогда не боялась тебя потерять... Но сейчас, когда я вижу тебя здесь, как ты лежишь тут раненный, я чувствую, что должна всё сказать. Мне очень жаль, что я не ценила тебя и тянула с ответом на твои чувства, на твоё предложение. Я обещаю, что буду рядом и приложу все усилия, чтобы стать достойной твоей безмерной любви, которой ты всегда так щедро

одаривал меня, не прося ничего взамен. Пожалуйста, только живи... Мне очень жаль, я... я просто хочу, чтобы ты выздоровел, чтобы всё было хорошо.

Она задыхалась, слова смешивались с солёными слезами. В порыве чувств она крепче сжала неподвижную ладонь... И вдруг замерла. Как под действием какой-то невидимой, пугающей силы, Шамиз резко отпрянула. Её подсознание – тонкий инструмент клинического психолога – мгновенно считало чужеродные мёртвые маркеры. Чужой, едва уловимый, несмотря на тонны антисептиков, запах дорогого парфюма. И тут же ей показалось, что его пальцы и запястье стало слишком широкими, тяжёлыми. Да и сам ритм дыхания – глубокий, ровный, пугающе мощный – всё словно уже не принадлежал Сунилу. Ей показалось, что от этой забинтованной фигуры на неё повеяло могильным холодом, запретельным одиночеством и какой-то тёмной, сокрушительной силой.

Шамиз остановилась, будто этот человек в секунду стал ей абсолютно чужим, будто она разглядела сквозь марлю что-то, что ранило и напугало её сердце. Но додумать эту мысль ей не дали. Дверь скрипнула, и в палату мягко вошёл дядя Виджай.

– Шамиз, дочка, – тихо позвал он, касаясь её дрожащего плеча. – Пойдём со мной. Нам нужно поговорить о кое-чём важном. Ты должна уехать из этой больницы.

Глава III

В кабинете главврача сельской больницы воздух, казалось, можно было резать ножом. Шамиз стояла перед столом дяди, скрестив руки на груди. Её бледное лицо сейчас горело лихорадочным румянцем, а в тёмных глазах, обычно полных профессионального спокойствия, плескалась настоящая буря.

– Дядя, Вы с ума сошли? – её голос сорвался на шёпот, полный отчаяния. – Вы требуете, чтобы я... я, незамужняя девушка, собрала вещи и переехала жить в дом к совершенно чужому мужчине? Вы хоть понимаете, что скажут люди в нашей общине? Что станет с моим именем, когда поползут слухи? О моём положении подумают всё что угодно, и это «всё что угодно» навсегда закроет для меня двери в приличное общество!

Виджай тяжело вздохнул, снял очки и устало потёр переносицу.

– Шамиз, дочка, послушай меня спокойно, – он мягко коснулся её дрожащего плеча. – Ты думаешь о сплетнях, а я думаю о спасении человеческой жизни. И не просто жизни, а великого разума. Ты же врач! Ты сама мне уши прожужжала его трудами, ты наизусть цитировала его статьи по нейробиологии. Джалалуддин Фахр сейчас сломан. Не только физически – его мозг угасает, он отказывается бороться. Ему не

просто сиделка нужна, ему нужен специалист твоего уровня, который вытащит его из этой ментальной пропасти!

– Но почему в его доме?! – Шамиз упрямо вскинула подбородок, борясь с внутренним трепетом. Одно имя Фахра заставляло её сердце сжиматься – встретить своего кумира при таких обстоятельствах было ударом. – Почему этот его управляющий не может нанять лучших столичных врачей? – она размахивала руками. – Почему он прячет его?

– Потому что если пресса узнает, в каком состоянии Фахр, его фонды и институты разорвут на части. Каран защищает его империю, – Виджай заговорил быстро, пользуясь её секундным замешательством. – Я обещаю тебе, твоё достоинство не пострадает. Всё будет официально. Для всех ты – приглашённый консультант на контракте. Я обещаю, буду стараться лично приезжать в этот дом каждые три дня, проверять его состояние и следить, чтобы к тебе относились с должным почётом. Мне важно, чтобы всё это было под моим контролем. Дочка, я доверяю только тебе. Больше никому вверить такую ответственность.

Шамиз обречённо вздохнула, чувствуя, как под железными аргументами дяди рушится её оборона. Профессиональный вызов, благоговение перед гением Фахра и дочерний долг перед дядей медленно побеждали страх за репутацию.

– Хорошо, – тихо, но с ледяной решимостью ответила она. – Я согласна. Но только на моих условиях: я буду находиться там исключительно как специалист. Шаг влево, шаг вправо

от профессиональных обязанностей – и я уйду. Моё имя – это всё, что у меня есть.

Виджай с облегчением улыбнулся и крепко сжал её ладони:

– Спасибо, Шамиз. Ты умница и очень сильная девочка. Всё обязательно наладится.

Спустя несколько часов чёрный тонированный автомобиль Карана остановился у кованых ворот загородного поместья Фахра. Шамиз вышла из машины, и у неё перехватило дыхание. «Нур-Махал» великого учёного был построен в величественном, строгом стиле, но от него веяло немой, глубокой печалью.

Высокие каменные стены, огромные окна, зашторенные тяжёлыми белыми занавесками, которые едва колыхались от пронизывающего ветра. Вокруг была высажена густая зелёная растительность, но в этом безупречном порядке чувствовалось холодное, запёртое в стенах одиночество склепа. Здесь не жили – здесь держали оборону от мира. Девушка поправила складки своего белоснежного сари. На ней не было ни единого узора, ни одного украшения – она сознательно выбрала этот строгий, почти аскетичный образ, как щит, подчёркивающий её чистоту и неприкосновенность. Её красивое лицо было бледным, в груди боролись страх и колоссальная ответственность, но отступить было поздно.

Каран уверенно толкнул массивную дубовую дверь, пропуская её вперёд:

– Добро пожаловать в обитель доктора Фахра, Шамиз-джи. Надеюсь, у вас крепкие нервы. Скоро начнётся ваш первый сеанс.

Глава IV

Джалалуддин пришёл в сознание внезапно. Разум, этот безупречный суперкомпьютер, включился мгновенно, возвращая ему полную ясность мысли. Но вокруг была лишь плотная, глухая, чёрная пелена. Авария отняла у него зрение и возможность самостоятельно перемещаться. Вместо визуальной картинки его мозг, лишившийся главного источника информации, до предела обострил остальные чувства. По едва уловимому, родному запаху дорогой мебели, по знакомому далёкому шуршанию ветра в кронах деревьев за окном и по мягкости матраса Джалалуддин догадался: он у себя дома. В своей спальне. Но это возвращение было хуже пытки. Внутри него не было ни тепла, ни радости. Вместо этого в его ногах пульсировала глухая, невыносимая, парализующая боль – та самая мучительная немоть, которая сковывала движения. Он, привыкший полностью контролировать каждую клетку своего тела, теперь был абсолютно беспомощен во тьме. Воспоминания о том утре мелькали рваными вспышками: разбитый трекер, обрыв, какой-то двусмысленный морок-голос, смазанный силуэт... а дальше – удар и темнота.

– Каран... – попытался позвать Джалалуддин, но его голос прозвучал как хриплый, слабый шёпот. Дверь тихо отворилась. По звуку шагов он понял, что вошли двое нанятых ме-

медицинских ассистентов. По строгому указанию они придерживались абсолютной, мягкой тишины. С идеальной, почти механической осторожностью они помогли ему сесть, поднесли к его сухим губам поильник с водой и аккуратно пересадили в кресло-каталку.

Джалалуддин пытался требовать объяснений. Он задавал вопросы, его незрячие глаза усиленно пытались разглядеть происходящее, внутри всё закипало от дикого раздражения и ярости – ведь он всю жизнь привык к тому, что его слово имеет вес. Но персонал упорно, как глухонемые роботы, игнорировал его расспросы. Ни единого слова в ответ. Только мягкие, упрямые движения. В его искалеченном состоянии сил на сопротивление почти не осталось. С глубоким, тяжёлым вздохом Джалалуддин вынужден был подчиниться. Его покормили и снова уложили в постель. Он чувствовал себя диким зверем, запертым в клетке, окружённым заговором равнодушного молчания.

На смену первой ярости медленно приходило холодное, опасное любопытство. Кто заставил людей в его окружении играть в эту молчанку? Кто заправляет всем в его доме? Очевидно тот, кто пока скрывался.

Все эти два дня Шамиз намеренно оставалась в тени. Буквально. Помимо всего прочего, она распорядилась, чтобы все завершали дела и с заходом солнца не включали и не пользовались электричеством, не объясняя причины. Она управляла процессом реабилитации издалека, через Карана

и ассистентов и вела все записи в своей толстой тетради. Задача, за которую она взялась была продумана до мелочей на столько, на сколько это только возможно... Профессионал внутри неё понимал: Фахр сейчас находится в стадии острой травмы. Если она появится перед ним сразу, его это гения просто уничтожит её. Ему нужно было дать время прокипеть в собственной ярости и смириться с тем, что старые методы контроля больше не работают.

Стоя у дверей его спальни, Шамиз глубоко вздохнула. В её мыслях пульсировала одна-единственная установка: «Дойти до конца».

Она поправила складки сари, повернула ручку и сделала первый шаг в его комнату. Время тени закончилось.

Глава V

Дверь в комнату Джалалуддина медленно отворилась. В тишине раздался мягкий, почти невесомый шорох хлопковой ткани. Так шуршит только несшитое сари при ходьбе. Джалалуддин резко повернул голову на звук, его незрячие, глубокие глаза застыли под повязкой, направленные в пустоту, где угадывалось присутствие вошедшего. Внутри него всё напряглось: этот шаг не принадлежал ни Карану, ни ассистентам. Шамиз сделала несколько шагов к его постели. Она старалась дышать ровно, но её сердце колотилось как сумасшедшее – перед ней лежал её кумир, человек, чьи научные труды она искала и вычитывала в библиотеках. Теперь этот гений был слеп и сломлен. Не поднимая глаз, она тихо, профессионально произнесла:

– Приветствую, доктор Фахр. Я пришла проверить Ваши показатели и сменить повязку.

Этот голос... Он не узнал его, нет. Из-за шока, пережитого во время аварии, и плотных повязок, приглушающих звуки, этот чистый, мягкий девичий голос показался ему абсолютно чужим. Но то, *как* уверенно и спокойно она это сказала, взвинтило его ярость до предела. Какой-то незнакомый девчоночий голос смеет распоряжаться им в его собственном доме! Это она устроила этот заговор молчания!

– Кто ты такая? – его голос сорвался на глухой, опасный

шёпот. Он попытался приподняться на локтях, но боль в позвоночнике заставила его стиснуть зубы. – Что тебе от меня нужно? Каран нанял тебя, чтобы издеваться надо мной? Кто дал тебе право командовать моими людьми и устраивать этот цирк с молчанкой?!

Шамиз замерла, поражённая этой внезапной агрессией, хотя мысленно себя к этому готовила. Она сделала шаг назад, восстанавливая профессиональную дистанцию. Она ожидала бунта, но эта тёмная, сокрушительная сила его голоса всё равно пугала.

– Меня зовут Шамиз. Я Ваш лечащий консультант, клинический психолог. Мне ничего от Вас не нужно, Джалалуддин-джи. Моя задача – сделать так, чтобы Ваш мозг и Ваше тело снова начали функционировать.

– Психолог? – Джалалуддин страшно, горько усмехнулся, и в этой усмешке сквозило столько яда, что Шамиз невольно поёжилась. – Мне не нужны твои сказки, девчонка. Мой мозг функционирует лучше твоего. Убирайся из моего дома. Я не позволю чужакам копаться в моей голове и хоть как-то вмешиваться в мою жизнь. Живо позови Карана!

В его мире всё всегда имело свою цену, и он был уверен: эта пиявка либо ищет славы рядом с его именем, либо адвокат платит ей безумные деньги со счетов его фонда. Но Шамиз не поддавалась на провокации. Напротив, в её интонации прозвучал странный коктейль из глубокого уважения к его гению и ледяного профессионального сарказма:

– Можете злиться и требовать Карана сколько угодно, доктор Фахр. Ваш мозг сейчас выбирает самую безопасную защиту – агрессию. Но пока я здесь, разрушать себя Вам не позволено. Сейчас Вам нужен покой.

Она уверенно, не давая ему вставить ни слова, поправила край его одеяла, заставив его лечь обратно на подушки. Её движения были мягкими, но непреклонными. Джалалуддин задохнулся от возмущения – его, великого учёного, только что уложили как маленького ребёнка!

– Я зайду через два часа. Постарайтесь не перенапрягать нервную систему, – отчеканила она и покинула его покои.

Джалалуддин остался в крошечной тьме, тяжело дыша. На смену ярости снова пришло гнетущее недоумение. Этот чужой, раздражающий голос... Почему, несмотря на всю его злость, внутри него на секунду шевельнулось странное, давно забытое тепло, которое он никак не мог объяснить?

Шамиз быстрым шагом вышла из комнаты, оставив Джалалуддина наедине с его бушующей, бессильной яростью в крошечной тьме. В тёмном коридоре её ждала Алия, которая испуганно всплеснула руками и приняла предварительно подготовленный протянутый Шамиз стакан с успокоительной настойкой для больного.

– Как он, сестрица? – тихо спросила девушка, когда они вдвоем пошли по длинному, тёмному устланному дорогими роскошными коврами коридору, который скрадывал звуки и создавал ощущение безопасности, несмотря на бушующий

за окном ураган.

– Мне кажется, он всё ещё слушает и может понять всё, о чем мы говорим, поэтому отойдём подальше, – тихо прошептала Шамиз.

– Почему мы не можем просто включить свет?

– Каран сказал, что света нет и пока не будет, – приложила палец к губам Шамиз и качая головой в сторону, призывая отойти ещё подальше, – доктору Фахру нужен абсолютный покой для глаз, – грустно улыбнулась Шамиз. – Я не люблю обман, и не терплю лжи. Поэтому я превращу для него ложь в горькую, но необходимую правду. Скоро ты сама всё увидишь.

Алия растерялась, почувствовав в её словах что-то скрытое, но очень важное.

Спустя время, когда Джалалуддин, измученный действием лекарств, должен был заснуть, Шамиз снова тихо скользнула в его обитель. В комнате по-прежнему царила глубокая тишина и полный мрак, лишь тусклый свет одинокой свечи на столике у двери мерцал, отбрасывая длинные, почти уродливые тени на стены. Это слабое мерцание напоминало Шамиз о живом, но глубоко израненном сердце, бьющемся в этом мраке.

Вдруг из глубины кровати раздался голос, который показался Шамиз призывом из другого мира. Джалалуддин метался в бреду. Его голос сорвался на шёпот, полный такой безнадежности, которой она никогда не слышала у живых

людей:

– Салима, не оставляй меня, – его бледная, сильная рука дёрнулась на одеяле, словно пыталась поймать уходящую тень. – Останься – шептал он, схватив Шамиз за руку, – Я вижу тебя Салима, ты здесь, я знаю.

Она замерла. Это имя – Салима – прозвучало в тишине как приговор. Холод разлился по её коже. Нет, профессор Фахр не видел её – мысленно утешала она себя, он обращался не к ней, но к кому? К кому-то, кто владел его сердцем задолго до того, как авария заперла его в этой комнате.

Страх в глазах Шамиз медленно сменился глубокой, профессиональной и человеческой жалостью. Теперь она понимала: её главный соперник в этом доме – не его паралич, не его слепота и не его ярость. Её соперник – тень женщины из прошлого, которую он зовёт сквозь пелену боли.

«Кто же ты, Салима?» – пронеслось в её мыслях.

Выйдя в гостиную, Шамиз застала там старого дворецкого, дядю Хари, который прожил в этом доме половину жизни, если не больше. Алиа сидела в глубоком кресле чуть поодаль, внимательно прислушиваясь к каждому слову.

– Дядя Хари, – тихо позвала Шамиз. – Имя Салима Вам о чём-нибудь говорит?

Старый слуга вдруг вздрогнул, словно его поразил удар молнии. Его сосредоточенный взгляд на мгновение стал потерянным.

– Это имя покойной хозяйки, – глухо ответил он склонив

голову, ушёл, явно не довольный ни присутствием Шамиз в этом доме, ни её на его взгляд бестактным вопросом и никак своё недовольство не скрывающий.

– Спасибо Вам, дядя, – отпустила его Шамиз.

Девушка без сил опустилась в кресло. На её юном лице выражалась глубокая, тяжёлая задумчивость. Из тени коридора к ней поближе придвинулась Алия, её глаза горели любопытством:

– Так, вот кого он звал, — вздохнула Шамиз.

– Кто кого звал?

– Там, в бреду профессор Фахр звал «Салиму», и дядя Хари сказал, что она...

– Покойная хозяйка, – продолжила Алия, – я слышала. – Но, судя по тому, что в комнате были вы вдвоём, – хитро улыбалась Алия, – звал он Вас, сестрица.

– Алия, не шути так, пожалуйста.

Девушка тут же собралась и села ровно.

– Так, значит, у него была семья? – задумчиво продолжала Шамиз.

– Была. – тихо отозвалась Алия, перебирая в голове вспоминая из рассказов старших в этом доме. – Старик Хари говорил Карану, что он очень её любил. «Они были созданы друг для друга» – так говорили в их окружении.

– А какая она была?

– Никто из нынешнего персонала её не видел. И в доме не осталось ни одной её фотографии. Джалалуддин-джи уни-

чтожил абсолютно всё после её гибели. Когда-то он был верующим человеком, очень верующим.

При упоминании его имени в гостиной словно похолодело. Величественный образ Джалалуддина Фахра – незримо присутствовал в их разговоре.

– А что с ней стало? – прошептала Шамиз. – Дети у них были или есть?

– Она умерла накануне рождения их первенца Вместе с ребёнком.

– О, Боже!.. – Шамиз закрыла рот ладонями. – Это было недавно? Из-за этого он не борется со смертью при наличии столь потрясающих биологических данных?

– Нет, сестрица. Говорят, это история двадцатилетней давности. Двадцать лет он носит этот ад в себе.

– Двадцать лет, – прошептала Шамиз, и в её сознании профессионала пазл наконец-то начал складываться. – Ему сейчас сорок пять. Значит, тогда ему было около двадцати пяти. Самый конец студенчества, начало карьеры.

– Я ещё больше начала его уважать, – тихо призналась Шамиз после некоторой паузы, – С такой ношей на душе он умудрился совершить такие колоссальные открытия в науке, написать столько трудов.

– Да, по нему так и не скажешь, что он перенёс такой сокрушительный удар. – подхватила Алия, – Это на нём будто не отразилось.

– Отразилось, Алия. Ещё как отразилось, – Шамиз по-

начала головой, – Отсутствия быта, семьи, простых человеческих привязанностей. Он ушёл в науку как в монастырь. Превратил её в пугающую, абсолютную одержимость, просто чтобы забыться и заглушить этот непрекращающийся внутренний ад. Двадцать лет он подменял живые чувства формулами и синапсами.

– И к тому же, он стал абсолютным атеистом. – добавила тихо Алия, – Джалалуддин-джи больше не верит в Бога...

– Я, конечно, понимаю его горе, – вздохнула Шамиз, – но разве это повод, чтобы отвернуться от Всевышнего?..

– Джалалуддин-джи считает, что это Бог первым отвернулся от него, – ответила Алия, пожимая плечами. – Он считает, что Творец совершил ошибку, забрав у него всё в самом начале пути...

– И странно, и нет, что такой великий, гениальный ум не может простить вселенной её жестоких законов. Но судя по всему, именно этот застарелый, двадцатилетний нарыв мне и предстоит вскрыть. Спасибо за рассказ, Алия, ты дала мне очень ценную информацию. И именно эту его часть мне и предстоит начать исцелять.

Глава VI

Человек, даже обладающий самым выдающимся и сильным умом, способен на глубокие, сокрушительные заблуждения, если его мир рушится – Шамиз понимала это лучше, чем кто-либо другой.

В её новой рабочей комнате, смежной со спальней профессора, тихо плавился воск. Шамиз сосредоточенно смешивала капли терапевтических масел, создавая тонкую успокаивающую композицию из бергамота, хвои и едва уловимой перечной мяты, способной мягко подавлять панические атаки. На её рабочем столе лежала раскрытая тетрадь для клинических заметок, а рядом – музыкальный инструмент, с которым она была неразлучна: калimba. Время от времени Шамиз брала этот маленький деревянный инструмент и осторожно перебирала металлические язычки. Хрустальные, гипнотические звуки калимбы мягким эхом доносились до покоев Джалалуддина Фахра. Это не было развлечением – Шамиз прошупывала его подсознание, создавая для слепого учёного безопасные слуховые и обонятельные маркеры в его беспросветной тьме.

Наступило утро. Шамиз вошла в его спальню, чтобы провести утренний осмотр. На её правом запястье красовался тонкий серебряный браслет, который она сегодня решила надеть. Девушка двигалась бесшумно, но браслет, сопри-

касаясь с краем мебели, когда она протирала подоконники и стол от пыли, чтобы устранить лишний раздражитель его чувствительных рецепторов, издавал едва слышный, чистый серебряный звон. Для запертого во тьме Джалалуддина этот звук стал физическим сигналом её перемещений.

Внезапно мужчина на кровати зашевелился. Несмотря на пугающую, болезненную бледность, в его чертах угадывалась былая суровая, породистая красота: высокий лоб, чёткая линия волевого подбородка и густые тёмные брови, которые сейчас были страдальчески сдвинуты. Даже лёжа, Джалалуддин казался огромным – его мощные плечи и высокий рост визуально делали стандартную кровать тесной и неуклюжей.

Он проснулся.

– Кто здесь? – его голос прозвучал слабо, но в нём всё ещё угадывались прежние властные интонации.

– Это я, Шамиз, – она мягко подошла к кровати, стараясь говорить максимально ровно. – Ваш лечащий консультант.

Джалалуддин прерывисто вздохнул. Его губы, обычно плотно сжатые, теперь слегка дрожали, а голова беспокойно повернулась в сторону её голоса.

– Почему здесь так темно? Почему я ничего не вижу?

Шамиз замерла. Психолог внутри неё закричал об опасности: если сказать этому гению нейробиологии прямо сейчас, что он ослеп из-за травмы, его это не выдержит шока. Он закроется в себе навсегда. Поэтому Шамиз продолжила придерживаться намеченного ею ещё в начале, на пороге его

дома, плана – ложь во спасение его разума.

– Сейчас глубокая ночь, доктор Фахр, – уверенно и мягко соврала она. – Пожалуйста, не напрягайте глаза, вы ещё слишком слабы после несчастного случая.

– Включите свет тогда, – настойчиво потребовал он, и в его голосе прорезалось привычное раздражение человека, который не терпел преград.

– Электричество во всём районе отключили из-за урагана, – Шамиз присела на край стула у кровати, её браслет тихо и испуганно звякнул, выдав её внутреннее напряжение. – К утру, наверное, всё уже будет в норме. Потерпите.

Джалалуддин замолчал. Шамиз внимательно всматривалась в его лицо и видела, как на нём отражается глубокое внутреннее смятение, никак не связанное с физической болью. Израненное тело боролось, но дух был сломлен.

– Как Вы себя чувствуете, Джалалуддин-джи? – тихо спросила она.

– Не знаю, – из глубины его груди вырвался тяжёлый, глухой вздох. Профессор отвернулся к стене. – Мне грустно.

Шамиз едва сдержалась, чтобы не вскрикнуть от подступившего к горлу комка. Это не была речь взрослого, сильного мужчины, осознающего окружающий мир и свой статус. Это была речь беззащитного ребёнка, говорящего о своих истинных, обнажённых ощущениях и первобытных внутренних страхах. Травма сорвала с великого учёного всю его циничную броню, оставив наедине с чистой болью.

Едва сдерживая эмоции, Шамиз закончила осмотр и быстрыми шагами вышла в гостиную, плотно прикрыв за собой дубовую дверь. Только здесь, скрытая от глаз слуг, она дала волю слезам. Её всю трясло.

Алия, заметив состояние девушки, проскользнула к ней с кухни и мягко коснулась её плеча. Движения Алиии были полны заботы, а в глазах читалось сочувствие, которое она привыкла прятать за маской услужливости. Она подала стакан, и вода в нём слегка дрожала от того, как сильно бился пульс Шамиз.

– Шамиз, сестрица, почему же ты плачешь? – шёпотом спросила Алия, заставляя её сесть. – Радоваться надо, ведь он пришёл в себя, худшее позади!

– Я... я годами мечтала встретиться с этим человеком, – Шамиз закрыла лицо руками, и слёзы потекли сквозь пальцы. – Надеялась, верила в чудо. И именно накануне нашей с Сунилом свадьбы судьба заготовила для меня встречу с моим кумиром в такой страшной форме! Мне невыносимо больно смотреть на него, Алия. Это больше не тот великий Джалалуддин Фахр. Это сломанный, потерянный ребёнок, запертый во тьме!

Образ того безупречного гиганта науки, которого она рисовала в своём воображении – величественного мужчины с гордым профилем и статью истинного аристократа – теперь вступил в мучительный, болезненный конфликт с той реальностью, которую она увидела на кушетке.

В этот момент в гостиную зашёл Каран, держа в руках разрывающийся от вызовов телефон. Его лицо было бледным и сосредоточенным.

– Шамиз-джи, звонил Ваш дядя Виджай из сельской больницы.

– Что он говорил? – Шамиз быстро вытерла слезы, мгновенно возвращая себе маску строгой собранности.

– Просил, чтобы Вы приехали. Немедленно.

– Я говорила с ним недавно, – Шамиз нахмурилась, поднимаясь с кресла. – Что случилось, он не сказал?

– Нет. Но его голос мне сильно не понравился. Он просил передать, чтобы Вы мчались в больницу как можно скорее.

Шамиз решительно поправила свой серебряный браслет на запястье, который снова издал короткий, резкий звон, и кивнула своим мыслям. Раз дядя Виджай требует её срочного присутствия и скрывает причину по телефону, значит, настал критический момент. Времени на пустые слёзы больше не осталось. Ей нужно было возвращаться туда, где всё началось.

Глава VII

Сельская больница встретила Шамиз удушающим запахом антисептиков и давящей, звенящей тишиной. Сердце девушки глухо билось в груди, когда дядя Виджай вёл её по знакомому коридору к палате Сунила. Рядом, едва поспевая за ними, шла заплаканная Неха – мать парня.

Вопреки ожиданиям Шамиз, Сунил не лежал на больничной койке под капельницами. Он сидел у распахнутого окна, неподвижно уставившись в одну точку на блёклом больничном дворе.

– Он совсем ничего не помнит? – шёпотом спросила Шамиз, останавливаясь у самого порога.

– Совсем, – тихо ответил Виджай, качнув головой. – Не помнит, кто он, где находится, и не произнёс ни единого слова с момента, как пришёл в себя. Постоянно молчит.

Шамиз сделала глубокий вдох и медленно подошла к жениху. С его лица уже сняли фиксирующие повязки. Но когда девушка всмотрелась в его черты, внутри у неё всё похолодело. Ей стало не по себе, и она инстинктивно отшатнулась на шаг назад. Это был Сунил, но одновременно – совершенно чужой человек. Прежняя мягкость и тепло полностью исчезли. Его лицо казалось застывшей, угрюмой маской, а в плотно сжатых губах и сведённых бровях читалась глухая, пугающая агрессия.

Один из дежурных врачей, стоявших у стены, негромко обратился к Шамиз:

– Вот для этого мы тебя и вызвали, дочка. До аварии он дышать без тебя не мог, любил всем сердцем. Но сейчас в его голове чистый лист. Я буду говорить простыми словами. У него пугающе злое лицо, Шамиз. Ощущение, будто он проснулся с лютой ненавистью ко всему этому миру и к каждому, кто пытается к нему приблизиться.

Неха, не выдержав, разрыдалась, бросаясь к девушке и хватая её за руки:

– Доченька! Он ведь так молод. Вся жизнь впереди! Пожалуйста, умоляю тебя, не дай ему остаться несчастным! Сделай что-нибудь!

– Тётушка, я сделаю всё, что в моих силах, – Шамиз мягко, но настойчиво высвободила свои ладони, чувствуя, как внутри нарастает тяжёлый ком. – Сунил – мой лучший друг. Он мне как брат, и я не брошу его в этой беде.

Женщина судорожно вытерла слёзы, отводя Шамиз чуть в сторону, ближе к углу палаты, и лихорадочно зашептала, заглядывая ей в глаза:

– Заставь его вспомнить тебя. Заставь его вновь в тебя влюбиться! Твоя любовь – его единственный шанс вернуться!

Шамиз посмотрела на несчастную мать, и в её взгляде вместо жалости проступила ледяная, твёрдая решимость специалиста. Она не собиралась строить жизнь на обмане и

чужих иллюзиях.

– Если Вы считаете, что притворная любовь – это выход, то Вы глубоко заблуждаетесь, – отчеканила Шамиз, понизив голос, чтобы Сунил у окна её не услышал. – Я не люблю его той любовью, о которой Вы просите. И если я сейчас начну подыгрывать Вам, я сделаю его ещё несчастнее, когда правда всплывёт. А я не могу так подло поступить с человеком, который мне дорог.

– Но доченька, – всхлипнула женщина.

– Она права, – резко вмешался дядя Виджай, решительно вставая между ними. – Что за чушь Вы несёте? Шамиз – врач, а не лекарство от безответных чувств. Насильно человека не влюбить, тем более в таком состоянии. Раз его память стёрта, мы никак не можем определить, чем наполнены его мысли, и он никого здесь не узнаёт, то для него же будет лучше, если мы отправим его на реабилитацию куда-нибудь в специализированный столичный центр. Подальше от места аварии.

Шамиз бросила последний взгляд на Сунилу. Тот даже не повернул головы на их голоса, продолжая буравить тяжёлым, злым взглядом пустоту за окном. Пазл её жизни стремительно рассыпался, и ей нужно было решать, как собирать его заново.

– За границу – пусть развлечётся, развеется, – продолжал настаивать дежурный доктор, соглашаясь с Виджаем. – Думаю, это самый лучший способ вернуть его к жизни.

Неха, растерянно переводя взгляд с одного врача на другого, тихо спросила:

– Вы правда так думаете, доктор?

– Конечно, Неха-джи, – твёрдо подтвердил Виджай, беря её за плечи. – Коллега абсолютно прав. Шамиз в данном случае бессильна, её присутствие ничего не изменит, иначе мы бы это увидели. Лучше действительно просто отвлечь его, сменить обстановку.

Мать Сунила тяжело вздохнула, утирая слёзы краем сари, и повернулась к сыну:

– Тогда я пойду упаковывать его вещи. Пойдём, сынок.

Она мягко приподняла сына за плечи. Сунил медленно, как послушный манекен, поднялся с места. Мать продолжала вытирать непрекращающиеся слёзы, пока они вместе выходили из палаты.

Проходя по коридору, парень шёл с низко опущенной головой. Но ровно в тот момент, когда он поравнялся с Шамиз, Сунил резко вскинул голову и пристально, в упор посмотрел на неё.

В его коротком, но пугающе выразительном взгляде было столько неприкрытой ненависти и презрения, что у Шамиз перехватило дыхание. Ей на секунду показалось, что он винит её во всём происходящем вокруг – во всей этой чудовищной катастрофе, сломавшей его реальность. Но страшнее было другое: он смотрел на неё не просто как на незнакомого человека, которого его стёртая память не могла иденти-

фицировать. В этом тяжёлом взоре сквозило пугающее ощущение, словно он ничего и не забывал. Словно он всё помнил, но ненавидел её теперь на каком-то глубинном, запретном уровне.

Под этим свинцовым взглядом Шамиз стало физически плохо. Внутри неё всё болезненно сжалось, и где-то глубоко в душе проросла горькая, тяжёлая кровь – чувство, мучительно похожее на укоры уязвлённой совести. Словно она действительно совершила против него страшное преступление, сама того не ведая.

Шамиз судорожно выдохнула, провожая его взглядом, и тихо, едва слышно прошептала самой себе:

– Друга мне не вернуть. Я потеряла...

Глава VIII

Вечер опустился на загородный особняк Нур-Махал, принося с собой тяжёлые, серые сумерки. В спальне Джалалуддина Фахра снова горела лишь слабая лампа, скрытая за плотным абажуром. Шамиз сидела в кресле чуть поодаль, в полумраке. В её руках была тетрадь, где она под освещением лампы фиксировала динамику его состояния, но мысли, то и дело возвращались к ледяному, полному ненависти взгляду Сунилы. Каждая минута в этом доме давалась ей с боем.

Внезапно тишину разорвал резкий, прерывистый вдох на кровати. Профессор проснулся. В абсолютной темноте своего утраченного зрения он мгновенно почувствовал чужое присутствие.

– Шамиз-джи, Вы? – еле слышно позвал он.

В ответ была лишь глухая, звенящая тишина. Джалалуддин подождал секунду, его незрячие глаза беспокойно задвигались под повязкой.

– Шамиз-джи! – уже требовательнее и громче повторил он, и в его голосе прорезалась пугающая глубина.

Шамиз закрыла тетрадь. Сердце испуганно забилось в горле. Мысленно, как короткий выдох, в её сознании пронеслось отчаянное: «Господи, помоги!». Она поднялась, её серебряный браслет тихо, предупреждающе звякнул.

– Я здесь, доктор Фахр, – отозвалась она, подходя ближе

К ИЗГОЛОВЬЮ.

– Свет ещё не починили? – его суровые брови сошлись у переносицы.

– Починили, – мягко соврала Шамиз, проверяя его пульс.

– Почему же я Вас не вижу?

Этот вопрос повис в воздухе, как оголённый провод. Шамиз заставила себя выдать заготовленную, спокойную маску и деланно, легко рассмеялась:

– Потому что сейчас снова ночь! Вам везёт просыпаться исключительно в тёмное время суток, Джалалуддин-джи.

Но Джалалуддин не был обычным пациентом. Его гениальный мозг нейробиолога, даже повреждённый аварией, работал с точностью метронома. Он уловил фальшь в её смехе, слишком идеальное совпадение, неестественный ритм её дыхания.

– Я не верю, – отрезал он, и его голос стал леденящим. – Это всё – неправда.

– Неужели? – Шамиз изо всех сил старалась удерживать уверенный тон врача. – И что же, по-Вашему, правда?

– Я ничего не помню. Что со мной случилось?

– Был несчастный случай. Вы попали под машину...

– Да, да, – раздражённо перебил он, пытаясь нащупать границы реальности. – Где я сейчас?

– В Вашем загородном доме.

– А что Вы тут делаете?

– Я – Ваш лечащий врач.

Джалалуддин страшно, горько усмехнулся. Эта ложь казалась ему слишком плоской, слишком примитивной для его уровня.

– Это я уже слышал. Не верю. Я помню столкновение Я видел ангела до этого. И сейчас – не ночь. Это не мой дом, и Вы – не врач.

Шамиз сделала колоссальное усилие над собой, чтобы судорожный вздох не выдал её страха. Она понимала, что он больше в сознании, чем до этого хотя бы судя по тому, что первые его слова были с пренебрежительным «тыканьем», а теперь вернулся к официальному обращению на «Вы» и старательно подбирает слова. Её пальцы крепко сжались, а браслет на запястье замер, перестав звякать. Ей стоило огромных трудов, чтобы ответить ровным, намеренно профессиональным голосом без единой нотки дрожи:

– И кто же я, по-Вашему?

– Врунья, – глухо бросил Джалалуддин.

– Почему?

Профессор замолчал на мгновение, собирая воедино свои безумные, но пугающе логичные выводы. На его бледном лице отразилась жестокая, фанатичная уверенность.

– Потому что я умер. А это место – что-то другое. Иное измерение, скорее всего, Ад. Или эксперимент. А Вы – ангел. Только вот нет, не пойму, как Вы здесь, в Аду, оказались.

Он отвернулся, тяжело дыша волнообразными наплывами боли, оставив Шамиз стоять у кровати. Она смотрела на

этого мужчину, запертого в ловушке собственной слепоты и теорий, и понимала: её хрупкая сетка из лжи только что дала огромную трещину.

– Почему же Вы думаете, что попали именно в ад? – Шамиз постаралась, чтобы в её интонации прозвучал сугубо врачебный интерес. – Вы были так грешны?

– Потому что я не верю в Бога, который предаёт людей, – глухо и резко бросил Джалалуддин, и в этой короткой фразе всколыхнулась вся скопившаяся за два десятка с хвостиком лет горечь.

– А Вы верьте в Того Бога, который исцеляет людей, – тихо, но с глубокой внутренней убеждённой отозвалась девушка.

Джалалуддин горько, издевательски усмехнулся. Его незрячие глаза оставались под повязкой, но всё лицо исказила гримаса циничного превосходства:

– Так Его много, оказывается? Я запутался и, видимо, обратился не к тому, к кому, очевидно, надо было.

Шамиз почувствовала, как внутри закипает профессиональное упрямство. Она не могла позволить ему скатиться в глухое отрицание.

– Он – Един! – твёрдо отчеканила она. – Он – Велик, Всемогуш и Всезнающ.

– Знаю-знаю, – протянул Джалалуддин с явной иронией в голосе. – На то ты и ангел, всё о Нём знаешь и непременно защищаешь.

Девушка шумно выдохнула, понимая, что его воспаленный мозг слишком глубоко увяз в загробной теории. Ей нужно было вернуть его в реальность, заземлить любой ценой.

– Да не ангел я! – почти прикрикнула она, теряя хладнокровие. – Вы живы, Джалалуддин-джи! Живы и находитесь в своём собственном загородном доме. А не в аду!

– Я ничего не вижу и не чувствую, кроме темноты, – безжалостно перебил её профессор, обрывая любые аргументы. – Вокруг меня нет никаких признаков жизни, кроме говорящего со мной голоса. Дай мне руку.

– Зачем? – Шамиз инстинктивно отступила на полшага, её серебряный браслет испуганно звякнул.

– Чтобы я убедился, что ты – не призрак.

В комнате повисла тяжёлая, удушливая пауза. Протянуть руку означало разрушить дистанцию, позволить его чутким пальцам нейробиолога прощупать её пульс, понять, как сильно она взволнована. И Шамиз, мгновенно собравшись, выставила перед собой единственно возможную, непробиваемую броню:

– Я не могу.

– Ну вот, – удовлетворённо хмыкнул Джалалуддин, решив, что его догадка подтвердилась.

– Моя вера... она не позволяет, – ледяным, строгим тоном остановила его Шамиз, прибегая к подобному аргументу как к единственно верному. – И кроме отца и братьев, я никому и никогда руки не подаю. Это вопрос моей чести.

Джалалуддин нахмурился, обдумывая её слова, но спорить не стал. Его сильное тело, истосковавшееся по движению, требовало действия. Он зашевелился под одеялом.

– Я хочу встать.

– Вы упадёте! – Шамиз сделала шаг вперёд, забыв о своей недавней броне. – Вы слишком слабы!

– Если поможешь, то нет, – упрямо отрезал он, пытаясь нащупать ногами пол. – Я хочу пройти к окну.

Шамиз поняла, что удерживать этого гиганта силой бесполезно – он только навредит себе. Как врач, она обязана была подчиниться.

– Хорошо, я помогу.

Она подошла вплотную, чувствуя исходящее от него тяжёлое, лихорадочное тепло. Шамиз аккуратно обхватила его за широкую спину, подставляя собственное плечо в качестве опоры, и мягко потянула вверх, помогая его огромному телу принять вертикальное положение. Джалалуддин тяжёло поднялся, едва удерживая равновесие во тьме. Его пальцы судорожно вцепились в её предплечье.

– Однако ты прикоснулась ко мне, – не без торжества в голосе выдохнул он, уловив несостыковку с её прошлым отказом.

– Я сделала это исключительно как врач, доктор Фахр, – спокойно и холодно парировала Шамиз, удерживая его вес.

– Руку тоже могла бы подать как врач, – проворчал он, но в его голосе уже не было прежней агрессии – только глухое,

детское утомление борющегося с немощью человека.

– Вы сами ещё не понимаете, что говорите, – тихо, но твёрдо ответила Шамиз, бережно ведя его к окну. – Помочь задыхающемуся или оступившемуся человеку – вовсе не грех. Вы бы и так убедились, что я живой человек, и я не собиралась нарушать свои принципы ради минутного каприза.

Джалалуддин, навалившись на её плечо, тяжело и прерывисто задышал.

– Голос у тебя хорошенький, – глухо проворчал он, преодолевая слабость. – Молодой, звонкий. Однако говоришь ты со мной совсем как старуха. Сколько тебе лет?

– Сейчас это неважно, профессор, – спокойно отозвалась Шамиз, помогая ему опереться о широкий деревянный подоконник? – Если бы мой отец был жив, то он был бы Вашим ровесником.

– Так я и думал, – на его губах появилась блёклая, усталая усмешка. – Может, хоть лампу зажжёшь? А то я вообще ничего не вижу.

Он поднял руку и наощупь коснулся своего лица, натываясь на плотную ткань. Его брови болезненно изломились.

– Почему у меня так долго повязка на глазах?

У Шамиз болезненно сжалось сердце. Она отвела взгляд в темноту комнаты и мысленно, одними губами, взмолилась: «Боже, помоги». Нужно было продолжать играть свою роль, как бы тяжело это ни было.

– Вам пока нельзя видеть яркий свет, доктор Фахр, – ровно произнесла она.

– Я не люблю темноту, – в его голосе впервые прорезался глухой, почти детский страх. – Я боюсь её.

Шамиз мягко коснулась его предплечья, стараясь передать ему каплю своего спокойствия.

– В этой темноте нет ничего страшного. Да и к тому же, я здесь, с Вами.

– Это-то меня и пугает, – отрезал Джалалуддин, упрямо качнув головой.

– Не смешно, – тут же нахмурилась девушка.

Они стояли у самого окна, за которым угадывался смутный силуэт ночного сада.

– Можно её снять? – спросил он, кивнув на повязку.

– Можно, – помедлив, разрешила Шамиз. – Если Вам не больно.

– Мне больно лицезреть темноту, – хмуро бросил профессор.

Девушка подняла руки. Её пальцы аккуратно нащупали узел на затылке. Она действовала максимально бережно, стараясь не причинить ему дискомфорта. Полностью развязав плотную ткань, Шамиз осторожно потянула её на себя, обнажая его лицо.

– Можете открыть глаза, – тихо скомандовала она.

Джалалуддин медленно, с явным усилием приподнял веки.

– Не болит? – шёпотом спросила Шамиз. Сердце девушки замерло, когда она всмотрелась в его незрячие, пустые глаза.

– Нет, – глухо отозвался он, всматриваясь в пустоту перед собой. – Просто веки очень тяжёлые.

Шамиз почувствовала, как к горлу подкатил ком. Ложь, которую ей приходилось поддерживать, давила на неё огромной плитой. Из глаз девушки, вопреки всей её врачебной выдержке, брызнули слёзы, бесшумно покотившись по горячим щекам. Она замерла, боясь даже вздохнуть, чтобы он не услышал её плача.

Внезапно Джалалуддин напряжился. Его зрачки едва заметно дрогнули, реагируя на что-то скрытое в ночной синеве за стеклом.

– Луна полная сегодня? – вдруг спросил он.

Шамиз резко вскинула голову, её лицо исказилось от крайнего изумления. Она едва не задохнулась от вспыхнувшей надежды.

– Вы... Вы её видите?!

– Я вижу, – Джалалуддин зажмурился на секунду, а затем снова открыл глаза, в которых отразился слабый отсвет. – Я вижу яркий синий свет.

У Шамиз подкосились ноги от облегчения. Зрительный нерв жив! Мозг борется! Слава Всевышнему, это не полная слепота.

– Хвала Небесам! – вырвался из её груди искренний, счастливый возглас, который она уже не могла и не хотела

сдерживать, особенно после признания про свою «веру».

Глава IX

Яркими солнечными лучами утро ворвалось в Нур-Махал, но в коридорах по-прежнему висело глухое, тревожное ожидание. Шамиз спустилась на кухню, где её уже ждала взволнованная Алия. На лице девушки читалась целая гамма чувств – от робкой надежды до страха.

– Он правда сказал, что было полнолуние? – с порога оживлённым шёпотом спросила Алия, подбегая к Шамиз.

– Сказал, что видит яркий свет, – устало, но мягко улыбнулась Шамиз, принимая чашку чая.

– О, Боже и правда Велик! – Алия всплеснула руками, и на её глаза навернулись слёзы. – Он увидел Ваши труды и услышал Ваши молитвы, Шамиз-джи!

Девушка медленно опустила чашку на стол и покачала головой.

– Не совсем, Алия.

– Но почему Вы так говорите? – служанка искренне потерялась, её голос дрогнул. – Он же начал видеть! Он же увидел свет своими собственными глазами!

Шамиз вздохнула, переходя на спокойный, профессиональный тон, каким обычно объясняла сложные диагнозы ординаторам:

– Он увидел синий цвет. Понимаешь, в отличие от всех остальных спектров, синий свет особенный. Его способны

воспринимать даже незрячие люди, потому что информация о нём улавливается специальными рецепторами и поступает по альтернативным путям прямо в подкорковые структуры мозга. Это ещё не полноценное зрение. Но его мозг борется. Он скоро увидит всё остальное, я чувствую это.

– Дай бог, – истово произнесла Алия, прижав ладони к груди. Однако на её лице снова проступило сомнение. – Я только вот одного так и не могу понять. Почему Вы не скажете ему правду? Почему не признаетесь прямо, что он потерял зрение в аварии?

Шамиз посмотрела в окно, где ветер качал верхушки деревьев. Её взгляд стал суровым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.